

ЛИТОВСКИЙ КОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. БРОДСКОГО И А. ХАДАНОВИЧА

Заметную роль в творческом развитии А. Хадановича сыграла поэзия И. Бродского. Это проявляется и в развитии определенных мотивов, и в использовании в ряде случаев «прозаизированного» типа стиха рефлексивного характера, и в создании белорусскоязычных переводов некоторых произведений И. Бродского. В своеобразный транстекстуальный диалог с И. Бродским как автором цикла стихотворений «Литовский дивертисмент» (1971) белорусский поэт вступает в собственном цикле «Яшчэ адзін літоўскі дывертысмент» (2004).

Непосредственным поводом для создания циклов и тем и другим автором явилось пребывание в Литве: И. Бродским — в советской, А. Хадановичем — в постсоветской. По-видимому, главной целью поездки И. Бродского (как уж точно А. Хадановича) было выступление с чтением стихов, хотя бы перед узким кругом лиц почитателей таланта запрещенного поэта. На это намекает заглавие цикла. Ведь дивертисмент — это «музыкальное или драматическое представление из отдельных номеров, даваемое в дополнение к спектаклю или концерту» [2, с. 537]. «Дополнением» к посещению Литвы и явились стихи, сюжетно между собой не связанные, но созданные на литовском материале и проникнутые общим настроением. Впечатления от увиденного, непосредственные зарисовки и у того, и у другого автора переплетаются с размышлениями о жизни, самом себе, судьбе нации, к которой принадлежит.

Литва для И. Бродского — один из парадоксов истории и символ тщеты земного. Из огромного и могучего когда-то Великого княжества Литовского, Русского и Жемотийского она превратилась в крошечную страну, где

Расстоянья таковы,
что здесь могли бы жить гермафродиты [1, с. 251],

как шутит поэт, имея в виду отсутствие простора, столь характерного для России, уплотненность всего и вся, «миниатюаризацию» жизни, «тихой и малоподвижной» [4, с. 153], хотя по-своему уютной и привлекательной. Все тут «под рукой», и, отправившись в субботу на море, в воскресенье к вечеру можно вернуться назад, даже пешком, а в хмельном виде ещё и забрести порой на Запад. Пусть и «скетчевая», ситуация, воспроизводимая И. Бродским, содержит намек на некие вольности, с какими можно встретиться в Литве. Общей ситуации, впрочем, они не меняют. И то, что время «уходит в Вильнюсе в дверь кафе, / провожаемо дребезгом блюдец, ножей и вилок» [1, с. 252], сигнализирует о безвременье. Самыми примечательными на этом фоне оказываются знаки памяти о славном прошлом: «бесчисленные ангелы на кровлях / бесчисленных костелов» и повсеместно в Литве встречаемый

герб «Погоня», на котором «драконоборческий Егорий» на коне и с мечом в руке честно преследует «другим невидимую цель» [1, с. 252].

И. Бродский задается вопросом:

Кого он, стиснув меч в ладони,
решил настичь? [1, с. 252], –

на который у него нет точного ответа:

Предмет погони
скрыт за пределами герба [1, с. 252].

Если это заявка на завоевание мира, рассуждает поэт, то безрезультатная и пример того, что на одну силу всегда найдется другая. Но, возможно, напоминание о прошлом величии помогает литовцам выдержать настоящее? Или рыцарь «Погони», встречаемой на каждом шагу, обрел какую-то иную цель? И меч в его руке — знак молчаливого сопротивления, во внешних формах не выраженного? Во всяком случае, констатирует И. Бродский, примет совковости барочной Вильнюс не имеет — город как бы «завернут» на самого себя и живет собственной жизнью. «Бурый особняк диктатора» выглядит здесь чужеродным. Вся маленькая страна воспринимается как «закуток Европы» [4, с. 153], а не советская провинция. Это свидетельствует о силе национального духа и крепости национальных корней. В «Литовском дивертисменте» национальный колорит передают латинизированные названия трех стихотворений «Amicum-philosophum de melancholia, mania et plica polonica», «Palangen», «Dominikanaj». Но все же в Литве И. Бродскому «тесно» — ему нужен весь мир, и чувствуется, что пребывание в Прибалтике подталкивает его совершить эмиграцию. Если бы он умел ходить по водам, как по суше, пишет поэт, то перешел бы Балтийское море к открытым горизонтам. Из Прибалтики они будто делаются ему видимей.

А. Хаданович как бы продолжает И. Бродского, ставит себя на его место, имплицитно давая понять, что близок ему по взглядам, но насыщает стихотворения цикла собственными мотивами, и настроение от встречи с Литвой, получившей государственную самостоятельность, у белорусского поэта приподнятое. О своих впечатлениях он словно спешит сообщить домой по e-mail'у; но кириллическая программа в предоставленном компьютере отсутствует, потому в двух стихотворениях белорусский текст передается посредством упрощенного латинского шрифта с присутствием кириллического х, сигнализирующего о том, что это все-таки не латынь:

*Paetychny zapaviednik,
Sotnia blaznau u val'jery.
Xto tut zubr, a xto naviednik –
dva baki adnoj karjery.

Xto axviara, xto zastupnik,
xto nareshcie stau shchas 'livym;
xto miashaje piva j krupnik,
xto miashaje krupnik z pivam. [3, с. 32].*

Белорусский язык при подобном графическом оформлении остранивается, привычное оказывается необычным и интригующим. Шутливый характер стихотворения, повествующего о некой международной «тусовке» поэтов, каждый из которых стремится поразить других, делает игру с языком оправданной — и белорусскому автору есть что предъявить: новый алфавит. Он создается для того, чтобы язык оживить, и имплицитно напоминает о латиноязычной белорусской литературе как исторической предшественнице кириллизированной. Есть в подобном оформлении стихотворений и некое созвучие с окружающим, акцентирующее родство поэтических душ, независимо от того, на каком языке авторы пишут. Каким-то образом они друг друга понимают, не могут наговориться. И если лирический герой «Литовского дивертисмента» И. Бродского всегда один, то лирический герой аналогичного цикла А. Хадановича всегда дан в дружеской компании, кажется, не расстающейся ни днем, ни ночью. Пейзаж золотой осени как обозначение времени года усиливает впечатление поэтичности происходящего:

*Zalataja vosien'. Druskieniki.
Virtuozy j prosta pis'mien'niki.
Na kvadratnym metry — pa metvu.
I — dyskusija ab paviety.
<...>
I — pvamovy, pvamovy, pvamovy [3, с. 33].*

А. Хаданович рад надыхаться воздухом свободы, творческой дерзости. Отличное настроение вызывает желание и пошутить, так что, используя парониимию («метру» — «мэтру»), поэт вносит в стихотворение элемент юмора.

Чужим себя в Литве А. Хаданович не ощущает еще и потому, что как бы вернулся на прародину, ведь национально ориентированные белорусы считают Вильню (ныне Вильнюс), бывшую столицу Великого княжества Литовского, Русского и Жемотийского, в состав которого входили и белорусские земли, своей духовной столицей, символом национального возрождения. В одном из стихотворений А. Хаданович запечатлевает белорусскоязычную табличку на стене старой виленской типографии. Скорее всего речь идет о типографии, в которой Ф. Скорина в XVI веке издал первые книги на белорусском языке; а, может быть, имеется в виду типография, в которой в годы первой русской революции печаталась газета «Наша Нива», пропагандировавшая идеи национального возрождения и «воскрешенная» в начале 1990-х. Вообще «белорусский след» в Вильнюсе, где есть улицы Ф. Скорины, Я. Купалы, Я. Коласа, Тётки, как и улицы Белорусская, Минская, Слуцкая, Витебская, не исчез. Так что памятные знаки, на которые обращают внимание И. Бродский и А. Хаданович, разные, и малое («шыльда» как деталь общей картины) имплицитно вбирает в себя у А. Хадановича многое. Помимо того, заявленная отсылкой к циклу И. Бродского транстекстуальность создает общий метатекст, в пространство

которого попадают оба «дивертисмента», и сказанное И. Бродским мы учитываем, воспринимая цикл А. Хадановича. Упоминает А. Хаданович и посещение кафе «Неринга», в котором побывал, находясь в Вильнюсе, И. Бродский (ему посвящено третье стихотворение «Литовского дивертисмента»). Так фиксируется преемственная связь с лидером независимой литературы (каковым был И. Бродский, когда приехал в Литву). Белорусский поэт как бы дышит тем же воздухом, каким дышал И. Бродский, и у него рождается стихотворение.

Вообще весь Вильнюс хочется зарифмовать А. Хадановичу:

*Вершаваны літоўскі нарыс.
Павуціны апошні волас.
Прагулянка берагам Нарыс.
Паляванне на рыфму ўголас [3, с. 35], –*

он полон воодушевления, вдохновения. Выпивки с друзьями (а значит и нескончаемые беседы с ними) усиливают ощущение праздника. У А. Хадановича, в отличие от И. Бродского, Вильнюс именно город-праздник, город-радость, город-поддержка. А Литва, хотя и маленькая страна, все же добила своего, стала независимой и свободной. Вот какова была цель погони рыцаря на коне с герба. В каком-то смысле А. Хаданович оповещает И. Бродского об этом. Воссозданная им литовская атмосфера благодатна для человека. Лирический герой А. Хадановича чувствует себя здесь счастливым. Покидать Литву — словно возвращаться из рая на землю (если не хуже). Но таковы ее уроки, эмблемизированные в гербе, и поэт им следует.

Нечаянная радость ждет на границе: при проверке паспортов пограничник обращается к гражданину Беларуси на белорусском языке, и это настолько потрясает поэта, что становится ясно, сколь редко он с подобным сталкивается:

*Між Летувай і РБ — тэрыторыя нічыя.
Колы змаўкаюць. Мытнікі абходзяць вагоны.
Зараз будуць глядзець у пашпарт, бы там — ня я,
а каляровы здымак Мэдузы Гаргоны...*

*Толькі раптоўна:
«Спадар Хадановіч? Андрэю!»
Слухаю і дурэю [3, с. 36].*

Хотя переделывая цитату из В. Маяковского, А. Хаданович прикрывает свои чувства иронизированием, финал выдает его обиду и горечь:

*Нібы з марозу добра заліў за кішэнь,
я адчуваю радасьці поўную аблачыну
у штанах, куды за пашпартам лезу ў кішэнь,
зачараваны ілюзіяй, што вярнуўся ў сваю айчыну [3, с. 36].*

И снова возникает неявная параллель с И. Бродским. Лишившись всего, И. Бродский привез с собой в эмиграцию свой русский язык как главную ценность и остался ему верен до конца. Точно так же верным родному

белорусскому языку остается А. Хаданович, но в силу его дискриминации в Беларуси поэт оказывается в положении эмигранта в собственной стране.

Структурно-композиционная организация цикла А. Хадановича — литовское ядро (стихотворения 2–5) в белорусском обрамлении (стихотворения 1 и 6) — содержит концептуальное указание, в каком направлении двигаться, чтобы что-то изменить. А позиционирование себя А. Хадановичем как наследника И. Бродского — подтверждение готовности достойно встретить все, что ни пошлет судьба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский, И.А. Литовский дивертисмент / И.А. Бродский /Бродский И.А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: В 2-х т. Т.1: Стихотворения. Мн., 1992.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.1. М., 1957.
3. Хадановіч, А. Яшчэ адзін літоўскі дывертысмент / А. Хадановіч / Хадановіч А. Сто лістоў на tut.by. Мн., 2007.
4. Харевский, С. Новые названия старых улиц / С. Харевский // Монолог: *Свободное творчество*. 2008. № 12.